

УДК 904, 908

А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦАХ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Долгое время никто не мог аргументированно предложить конкретные географические рубежи для определения границ Сибирского ханства XVI в. Существало мнение о том, что сибирские тюрко-татарские государства были полукочевыми образованиями, а их лидеры – кочевниками, для которых границы не имели большого значения. Напротив, картографирование известных исторических событий, этнографических сведений, памятников археологии, проведенное авторами статьи, позволило конкретизировать вопрос о восточных границах Сибирского ханства Кучума на 1581 г.

Ключевые слова: Западная Сибирь, история, Сибирское ханство.

В 1563 г. хан Кучум, при поддержке Бухарского ханства, захватил Сибирское княжество Тайбутидов, располагавшееся на реках Иртыш и Тобол, и создал на его основе Сибирское ханство. Силой оружия он подчинил себе практически все земли лесостепного пояса Западной Сибири. Для консолидации населения своего государства Кучум осуществил административную реформу, поделив всю территорию ханства на «провинции», поставив в их главе своих наместников. Крупные населенные пункты были превращены в города – военно-административные и культовые центры, на территории которых были возведены гражданские и культовые сооружения. Между столицей и городами были обустроены дороги, паромные переправы и другие дорожные сооружения. Кучум заботился об охране границ своего государства. Решение этой задачи являлось показателем политического суверенитета ханства, а также фиксацией пределов распространения права на сбор налогов с ясачного населения. Наиболее опасными государственными рубежами были юго-восточные границы, которые тревожили калмыки, желавшие пограбить подвластное Кучуму население. На этом направлении Кучум построил ряд городков, которые перекрыли направление возможных набегов кочевников. К 1572 г., когда Кучум отказался выплачивать дань Московскому царству, Сибирское ханство играло заметную роль на политической арене Средней Азии и Сибири.

В монографии «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории» (2012 г.) А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров описали не только военную составляющую этого государства, но и затронули такие важные вопросы его организации, как население, сухопутные коммуникации, административно-территориальное деление и др. [1]. Цель настоящей публикации – детальное рассмотрение вопроса о месте прохождения восточных границ Сибирского ханства.

В одной из самых ранних попыток картографирования границ Сибирского ханства «Карте Сибири XVI–XVII в.(до 1618 г.)», подготовленной старшим учёным специалистом Института истории Академии наук СССР К.Н. Сербиной к выходу первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера в 1937 г., восточные рубежи ханства показаны очень размыто и не привязаны ни к одной точной географической точке. «Граница царства Кучума» на востоке проходит восточнее верховьев р. Омь, не захватывая долины левых притоков р. Обь. Затем плавным полукругом направляется на юго-восток и юг, где проходит южнее Чановских озёр. Немного южнее, в районе современной границы между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, граница Сибирского ханства выходила к р. Иртыш. Долгое время эта карта являлась основным образом пределов Сибирского ханства. В конце XX в. и в первое десятилетие нашего века вышло достаточно много научных трудов, в которых ученые делали попытки определить границы Сибирского ханства [2; 3. С. 23; 4. С. 207; 5. С. 148; 6. С. 29]. Однако никто из исследователей не предложил обоснования реконструируемых границ государства. В результате одни ученые провели восточную границу у берегов р. Енисей, другие – на меридиане системы Чановских озёр, третьи – по левому берегу р. Оби.

Для определения пределов государства Кучума необходимо еще раз рассмотреть имеющиеся письменные источники, где представлена историческая география окончания эпопеи Сибирского ханства Шейбанидов. И связана она с восточной частью Барабинской степи и Приобьем. Именно сюда Кучум откочевал после череды военных неудач в Среднем Прииртышье во второй половине 1590-х гг. «Кучюм-царь, с Черных вод, на Обь реку, с детьми и со всеми своими людьми, где у него хлеб сеен [А.М., С.Т.], ушел» [7. С. 202]. Источник однозначно говорит о том, что хан не просто бе-

жал на пустые земли, он переместился на территории, включенные в экономику его государства. Также широко известно, что свое окончательное поражение хан потерпел на землях чатов, где он расположился недалеко от устья р. Ирмени. Когда Тул-Мамет по приказу А. Воейкова отправился на поиски Кучума, то местные князьки Куземенкей и Токкаш, мурза Кожбахтый и другие знатные татары ему заявили, что «мы Государю не служили и ясаку не давали; блюлись Кучюма царя; а был деи у нас Кучюм близко и *владел нес ми нашими волостями*; а нынеча деи Кучюма Государевы люди побили, и Кучюм деи от нас пошел прочь...» [7. С. 203].

Данные этнографии говорят о том, что в конце XVI в. в Среднем Приобье проживали чаты и эуштинцы [8]. Н.А. Томилов, ссылаясь на мнения Н. Кострова, Н.М. Ядринцева, З.Я. Бояршиновой, С.В. Бахрушина, пишет о том, что чаты являлись подданными Кучума и входили в Сибирское ханство как крайняя его восточная группа. По их собственному выражению, они «сложились с Кучумом Царем ...сговор был скреплен шертью» [8. С. 200–202]. К наиболее известным поселениям чатов следует отнести Чатский и Мурзинский городки.

Эуштинцы в это время жили севернее чатов, в городках и юртах в низовьях р. Томи, и состояли из трех локальных групп: собственно эуштинской, евагинской (тигильдеевской), басандайской. Каждую из этих групп в конце XVI в. возглавляли свои князцы: Тоян, Евага и Басандай. Наиболее известны городки эуштинцев – Тоянов, Ашкинеев (Горбунов), Евагин (Тигильдеев), Енюгин, городок князька Басандая и др. [9. С. 73]. Н.А. Томилов считает, что их земли не входили в XVI в. в состав Сибирского ханства, и они были «независимыми от кучумовых правителей» [8. С. 182–183]. Однако известно, что после того, как Кучум потерпел поражение в борьбе с русскими отрядами, в 1598 г. чатские князьки и правители, боясь калмыкских набегов, пошли на союз с Россией [9. С. 74]. Вслед за ними князь эуштинцев Тоян в 1603 г. сам отправился в Москву, где присягнул на верность русскому царю. В.С. Синяев пишет, что это было единственно правильное решение, так как к границам Эушты подошли калмыки, и князь, без поддержки Кучума, противостоят им, был не в силах [10, С. 151]. Возможно, В.С. Синяев был более прав, говоря о том, что Тоян находился в определенной зависимости от хана Кучума, чем уважаемый Н.А. Томилов. Вероятно, власть сибирского хана носила на этих территориях формальный характер, но местные тюрки, видимо, считались его вассалами.

Таким образом, из данных письменных источников следует, что земли чатов и эуштинцев были

территориями, находящимися в определенной зависимости от Кучума, а на последнем этапе существования государства (1594–1598 гг.) входили в его состав. Сибирское ханство своим авторитетом и наверняка реальными боевыми подразделениями прикрывало эуштинские и чатские земли от набегов калмыков, выступая гарантом их безопасности. Вместе с тем эуштинцы и чаты имели вполне определенные социальные, экономические и культурные контакты с барабинскими, тобольскими и тюменскими татарами. Наличие этих связей способствовали устроенные Кучумом на территории государства сухопутные коммуникации, которые были необходимы для быстрого передвижения военных отрядов, обозов с ясаком и торговых караванов [1. С. 137–150]. Следствием же обустройства дорог стала возросшая мобильность населения и усилившееся взаимодействие представителей разных групп сибирских татар. Показателен тот факт, что после первого разгрома Кучума в 1582 г. часть тоболо-иртышских татар, в том числе и отдельные семьи тюменских татар, переселилась подальше от театра военных действий на территорию Притомья и даже на Чулым [11. С. 5].

Огромную роль в экономическом взаимодействии разных групп населения Сибирского ханства играли переселившиеся сюда бухарцы [12. С. 81]. О движении бухарских караванов по различным территориям Сибирского ханства неоднократно рассказывали сибирские летописи и последующие грамоты сибирских воевод. Присутствовали бухарцы и на р. Ирмени «на лугу» в августе 1598 г., когда русский отряд разгромил последние военные силы Кучума.

Включенность эуштинцев и чатов в единую культурную общность тюркоязычных групп Западной Сибири доказывают археологические источники. Еще в 1928 г. В.П. Левашева в работе, посвященной своим исследованиям Вознесенского городища на р. Оми в Барабинской лесостепи (город Тон-Тура Сибирского ханства), систематизировала орнаменты керамики Вознесенского городища, среди которой она выделила несколько групп, используя в качестве критериев способ нанесения орнамента, форму орнаментиров и характер отпечатков [13]. В завершение статьи она отметила, что материалы этого памятника находят сходство «городищем Чувакский Мыс и Искер близ Тобольска, с татарскими могилами Тоянова городка и, насколько можно судить по нескольким черепкам, с керамикой самого Тоянова городка (сборы С.В. Киселева 1927 г.)» [13. С. 98].

Раскопки Тоянова городка периодически проводились с 1887 г. такими учеными, как С.К. Куз-

нецов, Ф. Мартин, Ж. де Бай, С.М. Чугунов, М.П. Грязнов. А.П. Дульзон считал, что Тоянов городок датируется не концом XVI в., а «примерно XVII в.» и был оставлен чулымско-томскими тюрками. Вместе с тем он, так же как и В.П. Левашева, находил аналогии артефактам, обнаруженным в культурном слое городка, в материалах археологических памятников западносибирской лесостепи [14. С. 128].

Частично материалы раскопок М.П. Грязнова в 1976 г. опубликовала Л.М. Плетнева [15]. Однако следует заметить, что в этой публикации под «Тояновым городком» скрывается не укрепленное поселение, а курганный могильник у детского санатория в п. Тимирязево. На наш взгляд, в этом нет никакой ошибки, поскольку сам городок, могильник и, возможно, поселение на р. Томи недалеко от Томска составляли единый комплекс, состоящий из летнего и зимнего поселений и могильника.

В архиве М.П. Грязнова, хранящемся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, есть папка, которая подписана – «Тояновская культура» [16]. В этой папке находится подборка материалов 1920–1960-х гг. о раскопках Тоянова городка, Басандайки, Архиерейской заимки и других памятников Томского Приобья в контексте их схожести с материалами прииртышских памятников позднего средневековья. Особый интерес в этой подборке представляет перечень памятников, имеющих пометку «Тояновская культура»: поселение у д. Вершинина, городище Шеломок, могильник у д. Чернильщикова, городище Кижирева, Городище «Городок» у д. Орловка, могильник у д. Козюлина, поселение Чердашный лог, поселение и могильник у с. Нагорный Шесток, могильник у д. Черданы, городище у д. Иговка, могильник Иштан. Естественно, что в настоящий момент эти памятники носят другие названия, а указанные деревни большей частью не существуют. Вместе с тем этот перечень наглядно демонстрирует наличие значительного комплекса памятников, очерчивающих границы и степень освоения занимаемой тюркским населением территории в Томском Приобье. К сожалению, намерения М.П. Грязнова обобщить собранный материал и выделить новую археологическую культуру («Тояновскую») позднего Средневековья в Томском Приобье так и не были осуществлены.

В 1969 г. Р.Д. Голдина при описании материалов из раскопок памятников XIV–XVI вв., в том числе и Кучумова городища на р. Ишим, ввела в научный оборот термин «татарская керамика» [17].

В 1980-х гг. В.И. Соболев соотнес расположение археологических памятников позднего Сред-

невековья с границами Сибирского ханства [18]. Однако на востоке он ограничился средним течением р. Оми и не включил в территорию Сибирского ханства приобские памятники. Сложно сейчас объяснить причину, по которой Виктор Иванович не использовал материалы археологических исследований памятников по рр. Оби и Томи. Вероятнее всего, это было связано с тем, что публикаций по этим комплексам было очень мало, и они не давали полного представления об археологических материалах этого региона.

В 1993–2007 гг. С.Ф. Татуровым, С.С. Тихоновым и др. были проведены археологические работы в Тарском Прииртышье на археологических памятниках XVII–XIX вв. (городища Бергамак XV, поселения Черталы I, Бергамак III, Бергамак IX, Бергамак XI, Бергамак XX, Окунево XV, могильники Бергамак II, Окунево V, Черталы I), оставленных тарскими татарами (что зафиксировано в государственных ревизиях и переписях) [19]. Одним из результатов этих работ стало выделение комплекса посуды тарских татар XVII–XIX вв. [20] Для ее обозначения стали употребляться термины «татарская керамика», «татарская посуда».

В 2004–2005 гг. А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров провели работы в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета. Здесь были исследованы керамические коллекции, полученные В.П. Левашевой на памятниках позднего Средневековья в Барабинской степи в 1926–1928 гг., а затем найдены аналогичные материалы в коллекциях средневековых городищ Среднего Прииртышья: Безымянное, Большой Лог, «Городок», Екатерининское V (Ананьевское), «Ермакова крепость», Крапивка II, Новоникольское, Красноярское. Сразу стала очевидной причина, по которой большинство из этих памятников до настоящего времени не были соотнесены с городками Сибирского ханства. Все они были многослойными комплексами, изучая которые авторы раскопок не придали значения небольшим по численности коллекциям малоорнаментированной керамики и инвентаря [21].

В 2003–2006 гг. А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров провели исследования археологических памятников XIV–XVI вв. на рр. Иртыш (Екатерининское V (Ананьевское), Уй (Кошкуль IV, Крапивка II) в пределах Тарского района, р. Тара (Надеждинка VII) в Муромцевском районе Омской области. Эти работы не только дали новые керамические комплексы, но и позволили в ряде случаев проследить

развитие орнаментальной традиции у населения XIV–XVI вв. [22, 23, 24].

В 2009 г. Я.А. Яковлев опубликовал каталог коллекций Ф.Р. Мартина, полученных им в 1891 г. при раскопках могильника Тоянова городка. Фотоизображения артефактов, содержащиеся в каталоге, позволяют однозначно находить аналогии им в материалах археологических памятников XIV–XVI вв. Среднего Прииртышья [25]. В 2010 г. экспедицией НПЦ «Архаика» (г. Томск) под руководством О.В. Зайцевой были проведены сборы на месте предполагаемого расположения Тоянова городка. Полученные материалы позволяют надеяться, что культурный слой этого памятника, несмотря на многочисленные строительные работы, сохранился до настоящего времени и представляет интерес для исследования.

Рис. 1. Восточные области Сибирского ханства в 1594–1598 гг.

В итоге, много лет спустя после вывода В.П. Левашевой о сходстве керамических комплексов Вознесенского городища, Тоянова городка, городищ «Чувашский Мыс» и Искер, мы подтвердили этот тезис. Более того, на основании проведенного нами широкого анализа музейных коллекций, полевых материалов, опубликованных комплексов керамики позднесредневековых памятников Приобья, Барабы и Прииртышья, При-

ишимья и Притоболья, можно уверенно констатировать, что на указанных территориях она достаточно однообразна. По этой причине керамика по праву является основным археологическим маркером культурного единства населения Сибирского ханства.

Таким образом, на основании данных письменных источников, этнографии и археологии мы можем утверждать, что Томское Приобье входило в состав Сибирского ханства. Проживавшие здесь чаты и эуштинцы находились в зависимости от Кучума из-за угрозы нападений со стороны агрессивных соседей. При этом уже в конце XVI в. они имели экономические, родственные и культурные связи с населением других областей Сибирского ханства. В результате, восточная граница государства проходила в Приобье, в районе низовьев р. Томь, где проживали эуштинские татары. Затем она шла на юго-запад к р. Оби. Здесь на южной границе владений чатов, «выше Чат на лугу» на р. Ирмени, у Кучума располагались пашни, и здесь же состоялось последнее сражение Кучума с отрядом Андрея Воейкова. Далее граница проходила на запад почти по прямой линии до Чановских озер и далее на р. Иртыш. Граница была отодвинута на юг для того, чтобы в пределах ханства оставался главный широтный меридиональный транспортный сухопутный путь государства, проходивший по южному берегу р. Карагат. Южную границу от р. Обь до р. Иртыш прикрывали пограничные городки, удобно расположенные в средней части этого расстояния – городища Чиняиха, Тюменка, Новорзино I на островах Чановских озер, а также вынесенное на юг городище Чича I (рис. 1).

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во ФЭН АН РТ, 2012. 260 с.
2. Карта Дешт-И Кыпчака // Древний Казахстан. Детская энциклопедия Казахстана. Алматы: Аруна, 2004. С. 206.
3. Данияров К.К. История Сибирского ханства. О книге А. Дж. Тойнби «Цивилизация перед судом истории» применительно к Казахстану. Алматы, Б. и., 2003. 216 с.
4. Абдиров М. Хан Кучум // Простор. 1993. № 9. С. 207–223.
5. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: ФЭН, 2002. 488 с.
6. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар.кн. изд-во, 2009. 142 с.
7. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: в типографии II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1841. Т. 2 (1598–1613). 417 с.
8. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 276 с.
9. Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную

эпоху // *Этнокультурная история населения Западной Сибири*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 73–87.

10. *Синяев В.С.* Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // *Вопросы географии Сибири*. Томск, 1951. № 2. С. 141–156.

11. *Томилов Н.А.* Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 196 с.

12. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.

13. *Леваицкая В.П.* Вознесенское городище Барабинского округа, Спасского района, на левом берегу р. Оми // *Известия Государственного Западно-Сибирского музея*. Омск, 1928. № 1. С. 87–98.

14. *Дульзон А.П.* Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. // *Ученые записки Том. гос. пед. ин-та*. Томск, 1953. Т. 10. 264 с.

15. *Плетнева Л.М.* Тоянов городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 г.) // *Из истории Сибири*. Томск, 1976. Вып. 19. С. 65–89.

16. *Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*. Ф. II. Д. 26.

17. *Голдина Р.Д.* Перечень работ уральской археологической экспедиции в 1963 г. // *Вопросы археологии Урала*. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 7–29.

18. *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.

19. *Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Археологические источники для этнографо-археологических исследований в низовьях р. Тары // *Этнографо-археологические комплексы:*

Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1: Культура тарских татар. С. 91–106.

20. *Татаурова Л.В.* Керамические комплексы // *Нижнетарский археологический микрорайон*. Новосибирск: Наука, 2001. С. 169–175.

21. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Коллекции фонда археологии Омского государственного историко-краеведческого музея – источник по истории Сибирских ханств // *Музейные ценности в современном обществе. Материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию Омского государственного историко-краеведческого музея (Омск, 14–17 мая 2008 г.)*. Омск, 2008. С. 73–77.

22. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Городище Екатерининское V (Ананьинское) в ряду памятников Сибирского ханства // *Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сборник научных трудов*. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 358–362.

23. *Матвеев А.В., Скандаков И.Е.* Работа Омского музея просвещения по сохранению памятника археологии «городище и селище Крапивка II» XIV–XVI вв. // *Культура и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского*. Томск: Том. гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 350–360.

24. *Татауров С.Ф.* Тунус – последний городок Сибирского ханства // *Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий*. Томск, 2005. С. 210–212.

25. *Яковлев Я.А.* Могильник Тоянов городок. Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск; Сургут: Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.